

Белое и синее. Ги де Мопассан

Моя лодочка, моя славная лодочка, вся белая, с синей каемкой вдоль борта, тихо-тихо плыла по спокойно дремлющему морю, глубокому и синему. Жидкая синева была прозрачна, и свет, такой же синий, пронизывал ее до самых скал на дне.

Красивые белоснежные виллы смотрели раскрытыми окнами на Средиземное море, ласково омывавшее стены их садов, роскошных садов, полных пальм, алоэ, вечнозеленых деревьев и вечно цветущих растений.

Матрос греб не спеша. Я велел ему остановиться перед домом моего друга Поля и закричал во всю мочь:

— Поль, Поль, Поль!

Он показался на балконе, испуганный, словно внезапно разбуженный человек.

Яркое полуденное солнце ослепляло его, и он прикрывал глаза рукой.

Я крикнул:

— Не хотите ли покататься по морю?

Поль ответил:

— Иду!

Через пять минут он уселся в лодку.

Я велел матросу грести.

Поль взял с собою газету, которую не успел прочесть утром, и, улегшись на дне суденышка, стал ее просматривать.

Я глядел на берег. По мере того, как мы удалялись, становился виден весь город, живописный белый город, раскинувшийся амфитеатром у синих волн. Над ним виднелись невысокие горы, вернее, предгорье, густой еловый лес со множеством вилл, белых вилл, разбросанных там и сям, словно огромные яйца исполинских птиц. Чем ближе к вершине, тем их было меньше, и на самом гребне видна была только одна, очень большая, четырехугольная — вероятно, гостиница — и такая белая, точно ее выкрасили лишь сегодня утром.

Мой матрос, спокойный южанин, лениво греб; солнце, пылавшее в синеве небес, резало глаза, и я стал смотреть на воду, в синюю глубину, покой которой нарушали весла.

Поль сказал:

— А в Париже все время идет снег. По ночам шесть градусов мороза.

Я вдохнул полной грудью теплый воздух, голубой воздух, неподвижно застывший над морем, и поднял глаза.

За зелеными горами, высоко над ними, я увидел вдали огромные белые горы. Они появились лишь сейчас, раньше их не было видно. Теперь постепенно выростала величественная снеговая стена, высокая и сверкающая; весь длинный берег, ласковый, теплый берег, где растут пальмы, где цветут анемоны, был опоясан легкой цепью белоснежных ледяных вершин, то острых, как пирамиды, то округленных, как спина.

Я сказал Полю: «Вот он, снег, взгляните!» — и показал ему на Альпы.

С каждым ударом весел, рассекавших синюю воду, громадная белая цепь поднималась в небо все выше, простираясь насколько хватал взор. Снега казались столь близкими и глубокими, столь ощутимыми и грозными, что мне стало страшно, стало холодно.

Пониже мы увидели черную, совершенно прямую линию, как бы перерезавшую горы надвое. Ее начертало палящее солнце, словно сказав снегам и льдам: «Дальше вы не пойдете».

Поль, все еще с газетой в руках, заметил:

— Какие ужасные известия из Пьемонта! Лавинами разрушено восемнадцать деревень. Слушайте!

И он прочел:

«Сообщения из Аостской долины ужасны. Обезумевшее население не знает ни минуты покоя. Лавины засыпают одну деревню за другой. В Люцернской долине также большие опустошения.

В Локане семеро убитых; в Спароне — пятнадцать; в Ромборгоньо — восемь; в Ронко, Вальпрато, Кампилье насчитали тридцать два трупа, погребенных под снегом.

Так же много жертв в Пирроне, Сен-Дамьене, Мюстернале, Демонте, Масселло, Кьябрано. Деревня Бальцелья совершенно исчезла под лавиной. Старожилы не запомнят подобного бедствия.

Отовсюду сообщают ужасающие подробности. Вот один из множества таких случаев.

В Гроскавалло жила семья: муж, жена и двое детей. Жена давно уже болела.

В воскресенье, когда произошла катастрофа, муж ухаживал за больною; ему помогала дочь, а сын был у соседей.

Внезапно гигантская лавина обрушилась на хижину и раздавила ее.

Большая балка, падая, перешибла мужа почти пополам, и он умер на месте. Но эта же балка, упершись в стену, спасла от гибели жену, хотя одна ее рука была придавлена и раздроблена. Другой рукой она могла дотянуться до дочери, также заваленной грудой обломков. Бедная малютка звала на помощь почти тридцать часов подряд. Время от времени она повторяла:

— Мама, подложи мне под голову подушку, мне так больно!

Осталась в живых только мать».

Мы смотрели на горы, огромные белоснежные горы. Они все росли, и зеленые холмы казались карликами у их подножия.

Город скрылся вдали.

Вокруг нас — одно лишь синее море, за нами — белые Альпы, исполинские Альпы под тяжелым снеговым покровом.

Над нами же — безоблачное небо, синее небо, пронизанное золотом лучей. О, какой чудный день!

Поль сказал:

— Как это ужасно — погибнуть под тяжелыми глыбами льда!

Мы тихо скользили по волнам, убаюкиваемые ударами весел, далеко от земли: нам был виден лишь белоснежный горный хребет. И я думал о ничтожном, жалком человечестве, об этой пыли бытия, об этой беспокойной мелюзге, что копошится на песчинке, затерянной в прахе миров, об этом несчастном людском стаде, которое истребляют болезни, давят лавины, встряхивают и приводят в ужас землетрясения, об этих жалких, маленьких созданиях, не видных за километр, но столь безумных, тщеславных, драчливых, что они убивают друг друга, хотя век их так недолог. Я сравнил мошек, живущих всего несколько часов, со зверьками, живущими одно лето, с людьми, живущими годы, с мирами, живущими века. К чему все это?

Поль сказал:

— Я знаю интересный рассказ про снег.

— Расскажите, — попросил я.

Он начал:

— Помните высокого Радье, Жюля Радье, красавца Жюля?

— Конечно.

— Вы знаете, как он гордился своим лицом, волосами, торсом, силой, усами? Он воображал, что у него все лучше, чем у других. Это был неотразимый сердцеед, один из тех красивых, но сомнительных франтов, которые, неизвестно почему, пользуются большим успехом.

Они не отличаются ни умом, ни утонченностью, ни тактом и смахивают на любезных приказчиков из мясной лавки. Но этого достаточно.

Прошлой зимой, когда Париж был весь в снегу, я отправился на бал к одной даме полусвета, красавице Сильвии Ремон, вы ее знаете?

— Разумеется.

— Жюль Радье был там; его привел один приятель, и я видел, что он очень понравился хозяйке дома. Я подумал: «Вот уж кому не придется пробираться домой ночью, по снегу».

Затем я и сам попытался найти что-либо привлекательное в обществе этих доступных красоток.

Это мне не удалось. Не всем же быть Жюлями Радье! И я ушел один, около часу ночи.

Перед дверями десяток фиакров уныло дожидался последних гостей. Казалось, им хотелось закрыть свои желтые глаза, глядевшие на белые тротуары.

Живя неподалеку, я решил пройтись пешком; и, повернув за угол, вдруг увидел странную картину.

Большая черная тень металась взад и вперед. Какой-то высокий мужчина топтался по снегу, взрывал его, разбрасывал вокруг, вздымая снежную пыль. Сумасшедший, что ли? Я с опаской приблизился. Это был красавец Жюль.

В одной руке он держал свои лакированные туфли, в другой — носки. Его панталоны были засучены выше колен, и он кружился, как лошадь на манеже, погружая босые ноги в снежную пелену, отыскивая места, где она была еще нетронута, глубока и бела. Он метался и бегал, двигаясь, как полотер, натирающий паркет.

Я остолбенел.

— С ума ты, что ли, сошел? — воскликнул я.

Он ответил, не останавливаясь:

— Нисколько! Мне просто надо вымыть ноги. Представь себе, я очаровал красавицу Сильвию! Вот удача! И я надеюсь, что буду осчастливлен сегодня же ночью. Куй железо, пока горячо! Но только я этого не предвидел, а то бы помылся.

— Как видите, порою снег бывает полезен, — закончил Поль.

Наш матрос утомился и давно уже перестал грести. Лодка неподвижно застыла на глади моря.

Я сказал гребцу:

— Теперь обратно!

И он снова взялся за весла.

По мере того как мы приближались к берегу, высокие белые горы все опускались, прячась за другие, зеленые.

Вновь показался город, похожий на пену, на белую пену у берега синего моря. Между деревьями вновь забелели вилпы. Выше можно было различить лишь снеговую линию и над нею — изогнутую цепь вершин, исчезающих направо, в сторону Ниццы.

Затем остался виден только высокий гребень, но и он мало-помалу исчезал, заслоняясь ближайшими холмами.

И вскоре не было уже ничего, кроме берега и города, белого города и синего моря, по которому скользила моя лодочка, моя славная лодочка, под легкий плеск весел.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 3 февраля 1885 года под псевдонимом Мофриньёз.